

Спутник на елке: советский Новый год между идеологией и семейной памятью

ДАРЬЯ
РАДЧЕНКО

Материальные объекты не только отражают социальные отношения и представления, но и в некотором смысле создают самого человека и формируют его взаимодействия с окружающей реальностью. Их могут не замечать, воспринимать как должное и хорошо знакомое – но именно эта «скромность вещей»¹ придает материальному силу воздействия. Одной из таких формирующих сил для советского и постсоветского человека стали сопровождавшие его повсеместно вещи, связанные с космической образностью – от массовой агитации до предметов повседневной жизни. Лампы, зажимы для галстука, спичечные коробки и другие бытовые объекты стали своего рода посланцами космоса в советских квартирах, свидетельствовавшими «о тесных взаимоотношениях тел и машин, их слиянии как необходимом условии технического и социального развития»². Среди таких «космических» объектов были и елочные игрушки.

Общим местом в исследованиях рождественской и новогодней ритуальности конца XIX – начала XXI века стало понимание праздника как основания групповой солидарности:

«Благодаря регулярному поддержанию рождественских традиций, общества могут постоянно формировать и трансформировать сильные коллективные связи, укорененные в готовых к употреблению узнаваемых образах прошлого. [...] Поэтому разные ритуалы Рождества не только резонируют с прошлым, но и служат личным отношениям в настоящем»³.

Более того, общность ритуала, по мнению исследователей, не только помогает поддерживать семейные и групповые связи, но и способствует формированию общей идентичности нации⁴. Как замечает Светлана Адоньева, «нет общности “советский на-

Дарья Александровна Радченко (р. 1979) – антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва).

1 MILLER D. *Stuff*. Cambridge, 2010. P. 50.

2 ГОЛУБЕВ А. *Вещная жизнь: материальность позднего социализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 53.

3 BURRELL K. *The Objects of Christmas: The Politics of Festive Materiality in the Lives of Polish Immigrants* // SVAŠEK M. (Ed.). *Moving Subjects, Moving Objects. Transnationalism, Cultural Production and Emotions*. New York: Berghahn Books, 2012. P. 55–56.

4 PERRY J. *Nazifying Christmas: Political Culture and Popular Celebration in the Third Reich* // *Central European History*. 2005. Vol. 38. № 4. P. 572–605.

род”, если нет кремлевских курантов в двенадцать ночи, главного Деда Мороза и салата оливье»⁵.

Предполагается, что это единство достигалось в том числе и за счет использования материальных составляющих праздника в качестве средства трансляции идеологии – прежде всего новогодней елки. Для исследований, посвященных елке и елочным украшениям советского периода, характерно осмысление игрушки в контексте политической пропаганды, где она становится важнейшим элементом идеологического воздействия на самую младшую целевую группу:

«Елочная среда со всеми присущими ей компонентами всегда выступала как объект сознательного моделирования и достаточно жесткого управления и являла собой прямое отражение и воплощение властных политико-воспитательных канонов, норм и практик»⁶.

Такому взгляду, несколько замороженному экзотикой идеологических украшений, елка предстает как сплошь увешанная советской символикой. Наследуя подобной исследовательской оптике, было бы соблазнительно предположить, что космические образы самого популярного и любимого праздника служили исключительно пропаганде советских достижений и воспринимались потребителями именно в этом качестве. Вместе с тем новогодние украшения в СССР на протяжении всей его истории не ограничивались политически нагруженными игрушками – более того, перед промышленностью и публичными агентами праздника никогда и не ставилось задачи полностью вытеснить аполитичную новогоднюю атрибутику из обихода. С XIX века в разных странах праздник Нового года (как и Рождества) связывает между собой идеологическую повестку (будь то религиозная образность или политические символы) и потребительскую культуру, семейные традиции и актуальные государственные задачи⁷ – и советская новогодняя образность не является исключением. Исследуя новогодние объекты, практики и ритуалы детальнее, мы обнаруживаем переплетение самых разных агентностей, сил, интересов. С одной стороны, Новый год – системообразующий праздник для целого ряда социальных сборок, от семейных до государственных и глобальных. С другой, как мы увидим, он сам оказывается сборкой

5 Адоньева С. Б. *Дух народа и другие духи*. СПб.: Амфора, 2009. С. 191.

6 Сальникова А. А. *Советская елочная игрушка как невербальный текст: проблемы «написания» // Исторический источник и проблемы российской истории: Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. А. Литвин. Казань: Казанский университет, 2011. С. 146–154; см. также: Сальникова А. А. *История елочной игрушки*. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Душечкина Е. В. *Русская елка: история, мифология, литература*. М.: Норинт, 2002.*

7 SCHEER M. *Tense Holidays: Approaching Christmas through Conflict* // KLASSEN P. E., SCHEER M. (Eds.). *The Public Work of Christmas: Difference & Belonging in Multicultural Societies*. Montreal: McGill-Queen University Press, 2019. P. 17–35.

экономических факторов, политических задач и технологий, различных темпоральностей и аффективных режимов, причем каждый из этих элементов нестабилен и изменчив.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Материальные объекты выглядят «объективными свидетелями» истории, но это ощущение обманчиво: в зависимости от того, в какие практики они встраиваются, изменяется не только их прагматика, но и семантика.

Материальные объекты выглядят «объективными свидетелями» истории, но это ощущение обманчиво: в зависимости от того, в какие практики они встраиваются, изменяется не только их прагматика, но и семантика. В этой работе я буду опираться на биографический подход в исследовании материального⁸, чтобы проследить движение «космической» елочной игрушки от производителя до музея, причем движение во взаимодействии с другими объектами экосистемы⁹ домашней (и не только) новогодней материальности. В процессе этого взаимодействия, внутри связанной сети материального в елочном украшении будут проявляться разные свойства – а подобные проявления, как утверждают Майк Энасес и Тим Ингольд, никогда не завершаются¹⁰. Мы увидим, как актуальная идеологическая повестка отливается в материальные формы, как затем она одомашнивается и встраивается в праздничный семейный ритуал, участвуя в создании особой аффективной атмосферы, и как уже значительно позже, будучи вырванными из контекста, такие объекты эксплуатируются в публичных практиках памяти и коллективной ностальгии по советской космической утопии. Иными словами, основная задача этой статьи – попытаться понять, как производится «советское» в советском материальном наследии: в какой степени и под воздействием каких факторов «советская утопия» вписывалась в материальный объект на этапе его создания (как письмо пионерам будущего в «капсуле времени»¹¹), как она перекодировалась в ходе взаимодействия с потребителями игрушки и как вчитывается в этот объект сегодня.

8 Копытофф И. *Культурная биография вещей: товаризация как процесс* // *Социология вещей. Сборник статей*. М.: Территория будущего, 2006. С. 134–167.

9 GIACCARDI E., SPEED CH., CILA N., CALDWELL M. *Things As Co-Ethnographers: Implications of a Thing Perspective for Design and Anthropology* // SMITH R. C. ET AL. (Eds.). *Design Anthropology Futures*. London: Bloomsbury, 2016.

10 ANUSAS M., INGOLD T. *Designing Environmental Relations: From Opacity to Textility* // *Design issues*. 2013. Vol. 29. № 4. P. 66.

11 МАЛАЯ Е. К. *Капсула времени в постсоветском совхозе* // *Антропологический форум*. 2020. № 47. С. 84–110. (См. также статью Елены Малой «Капсула времени и прогулки на Марс: об инструментах колонизации будущего» в этом номере «НЗ». – *Примеч. ред.*)

ЕЛОЧНЫЙ КАНОН НА ФОНЕ ПЯТИЛЕТКИ

В 1920–1930-е во всех областях культурной индустрии, ориентированной на детей – от детской литературы до елочной игрушки, – развернулись интенсивные дебаты о том, что может считаться подлинно советским искусством для детей, то есть искусством, воспитывающим будущего гражданина в коммунистическом духе. Большинство участников полемики настаивали на том, что образы зверей, птиц, сказочных героев должны сочетаться с актуальными сюжетами, посвященными авиации, обороне, национальностям СССР, покорению Арктики и так далее¹². Однако практически никто не призывал к полному замещению нейтральных игрушек идеологическими. Единственное, что признавалось неприемлемым, – это украшения, «противоречащие принципам коммунистического воспитания детей»¹³: игрушки религиозного содержания (например ангелы) и карикатурные изображения. Тематика елочных игрушек должна была «отображать социалистическое строительство, оборонную мощь нашей родины, персонажи [так в тексте. – Д. Р.] сказок и художественной литературы, оригинальные фигуры птиц, животных и типы людей»¹⁴. Образы, связанные с актуальной повесткой, перечислены в начале списка как приоритетные, но это не означает, что они количественно доминировали на елке¹⁵.

Задача производства елочной игрушки на актуальную тематику стояла перед фабриками постоянно, и космическая повестка была крайне востребованной: не только потому, что свидетельствовала о достижениях советской технонауки и мирных подвигах советского человека, но и благодаря своему содержанию: «Новый год [...] оказался для советского проекта очень подходящим праздником, так как в нем естественным образом сочетается прощание с прошлым [...] с радостной надеждой на будущее»¹⁶. Новогоднее украшение должно демонстрировать соприкасающиеся в праздновании временные слои – сакральное прошлое, настоящее и будущее, – и космическая темати-

12 Елка: сборник статей о проведении елки / Под ред. Е. А. Флериной, С. С. Базыкина. М.: Учпедгиз, 1936.

13 Ершова О. Г., Райкин Л. А. *Игрушки*. М.: Издательство Центросоюза, 1950. С. 55.

14 Положение о конкурсе на лучшие высококачественные и высокохудожественные образцы изделий культуртоваров и различных игрушек, проводимого внутри системы Мосгоркультигрушкоюза. М., 1939. С. 9.

15 Бегло перечислим ассортимент разных лет, связывающий елку с советской действительностью. Прежде всего это советская символика (звезды, шары с изображением серпа и молота, голубя мира, надписями «СССР» и тому подобное; в позднесоветский период – коммеморативные игрушки «эпохи великих юбилеев» – в память 30-летия победы в Великой Отечественной войне и 50-летия создания СССР; олимпийский медведь). Затем это советские персонажи (пионеры, полярники и полярные станции, пограничники, военные, парашютисты, космонавты) и техника (тепловоз, броневик, трактор, танк, дирижабли, ракеты и спутники, редко – самолеты, ледокол «Красин» и так далее).

16 Круглова Н. Г., Саврас Н. В. *Новый год как праздничный ритуал советской эпохи* // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 76. № 2. С. 8.

ка, с ее уникальным сочетанием культа научно-технической рациональности и надежды на чудо полета к звездам, оказалась как нельзя более кстати¹⁷. В результате с начала 1960-х в ассортименте елочных игрушек появляются массовые украшения, изображающие космическую технику, а позже и космонавтов.

Однако интерес к «космической» елочной игрушке, как мы увидим, оказался ограниченным. Возможно, ей не повезло в художественном плане: она появилась в ассортименте новогодних объектов на излете периода, когда эстетической проработке новогодних украшений уделялось максимальное внимание. Расцвет советской елочной игрушки, особенно стеклянной, пришелся на очень короткий период 1950-х – начала 1960-х: для этого времени характерны едва ли не самые детализированные стеклодувные формы и проработанная раскраска. В «космических» же игрушках 1960–1980-х появляются совершенно иные художественные решения. Этот сдвиг не случаен и связан с целым рядом факторов – технологических, экономических, организационных, эстетических.

Постепенный рост благосостояния в послевоенный период привел в том числе к увеличению спроса на елочную игрушку – однако существующая модель производства удовлетворить его не могла. Вплоть до 1950-х игрушки производили в основном либо небольшие артели и кооперативы, использовавшие преимущественно ручной труд, либо предприятия, которые выпускали елочные украшения в качестве дополнительного источника прибыли или утилизации отходов¹⁸ и потому не были заинтересованы в развитии этого непрофильного направления. Для решения проблемы (и в общем русле развития плановой экономики) с середины 1950-х артели и мастерские постепенно укрупняются и преобразовываются в фабрики. Этот переход сопровождался взрывным расширением ассортимента¹⁹. Однако укрупнение производств и жесткие условия постоянно растущего плана привели к стандартизации производства, упрощению форм и росписи.

Следующим шагом в трансформации елочных украшений стали экономические реформы конца 1965 года. Они предполагали, во-первых, дальнейшее укрупнение производств и организаций²⁰, а во-вторых, смещали фокус производства с адми-

17 Заметим, что путь елочной игрушки от эскиза до елки был долгим, на нем стояло множество «фильтров», на каждом этапе принимавших решение, пропускать ли конкретное украшение к потребителю: художественные и технологические советы, руководство производств, оптовые базы, розничные магазины и так далее. Именно поэтому реакция на актуальные события запаздывала – и, например, картонные игрушки, изображающие космонавта на Луне, поступили в продажу уже после провала советской лунной программы.

18 Например, Московский завод стеклянных изделий, завод «Москабель» и другие.

19 Горожанина С. В. *Сказка стекла. История клинской елочной игрушки*. М.: Мир детства, 2021. С. 180.

20 Митрохин Н. *Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах*. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

нистративных на экономические методы планирования: теперь предлагалось оценивать работу предприятий по объему и суммарной стоимости отгруженной продукции и рентабельности²¹. Соответственно, предприятиям было необходимо увеличить выпуск и снизить себестоимость продукции²² за счет оптимизации труда, внедрения новых технологий и пересмотра норм расхода материалов.

В конце 1960-х производители отмечали, что наиболее интересные в художественном плане объекты предшествующего периода слишком дороги для потребителей, и в результате снижался запрос на формовые игрушки на прищепках в пользу шаров, абстрактных подвесок, бус и так далее²³. С одной стороны, покупатели берегли однажды купленные и достаточно дорогие игрушки и редко могли позволить себе ежесезонное обновление семейной елки. С другой, себестоимость игрушек сложной формы была слишком высокой из-за неизбежного брака, большого объема ручного труда, требуемого для их выдувки, росписи, производства и сборки крепления типа прищепки²⁴, разнообразия ассортимента, требовавшего от сотрудников больше времени для освоения производственных операций. Например, формовые игрушки или простые шары производились быстрее, чем игрушки, создаваемые методом свободной выдувки с припайными элементами²⁵ (в частности, спутники и ракеты), которые в середине 1960-х начали исчезать из ассортимента.

Параллельно расширялся ассортимент полимерных украшений²⁶, производимых путем горячего литья в пресс-формы, которое существенно быстрее стеклодувного производства и почти не требует ручного труда. Так, на конференции в 1967 году одна из фабрик сообщала:

«Изделия из стекла, которые не подвергались серебрению или алюминированию, а изготовлялись из голя с последующей окраской

- 21** Гизатуллина Э.Ф. *Сентябрьский (1965 год) пленум ЦК КПСС как поворотный пункт в методах реализации государством функции управления советской экономикой* // Общество и право. 2017. Т. 60. № 2. С. 235–239.
- 22** Федосеев Л.С. *Опыт работы Высоковской фабрики елочных украшений в новых условиях планирования и экономического стимулирования* // Материалы всесоюзной технической конференции по обмену опытом в производстве стеклянных елочных украшений. Декабрь, 1967. М.: ВНИИИ, 1968. С. 3.
- 23** Коссаковская Е.А. *О состоянии производства игрушек в СССР в 1964 г.* Цит. по: Балашова Е.А., Прибыткова А.А., Балашов В.В., Прибытков Д.В. *Советские елочные игрушки. Каталог. Том 3.* М., 2021. С. 297. Некоторые игрушки «космической» тематики, несмотря на художественные достоинства, так и не были выпущены из-за высокой цены, см.: Катюхина Е.М. *Новые методы оформления стеклянно-елочных украшений* // Материалы всесоюзной технической конференции... С. 24.
- 24** В 1964 году на Решетниковской фабрике доля ручного труда составляла 95% (Горожанина С.В. *Указ. соч.* С. 172), на Московском заводе стеклянных елочных украшений в конце 1960-х – около 80% (*Материалы всесоюзной технической конференции...* С. 9).
- 25** Горожанина С.В. *Указ. соч.* С. 100.
- 26** Тягунов П.П. *Изготовление стеклянных елочных украшений на роторных линиях* // Материалы всесоюзной технической конференции... С. 9.

нитролаками, выпускаются теперь из пластмасс. По внешнему виду они не уступают стеклянным, но менее трудоемки в изготовлении. Фабрика начинает выпуск набора "Космос", в который входят 12 крупных пластмассовых украшений»²⁷.

Однако такие украшения не были востребованы потребителями.

В то же время на облике елочной игрушки этого периода сказалось изменение эстетических норм. В архитектуре, интерьере и бытовом дизайне стал господствовать футуристический минимализм: абстрактные геометрические формы, снижение детализации, ставка на материалы, обеспечивающие максимум света и прозрачности, – стекло, металл, пластик. Соответственно, производились отвечающие веяниям времени елочные игрушки – с абстрактными или условными и обобщенными формами, из прозрачного стекла, бесцветного или окрашенного (характерный пример – игрушки в технике «глинка» или «каустик», окрашенные цветным лаком с просветами), с металлизированным блеском.

Сочетание этих двух трендов – экономического и эстетического – привело к формированию определенного набора «космических» елочных образов. Вне зависимости от используемой технологии эти игрушки отличает ряд общих особенностей – и именно они повлияли на восприятие космоса советскими детьми.

«Космические» елочные игрушки, как правило, представляют собой максимально обобщенные формы: спутники, ракеты, планеты, фигуры космонавтов. Сходство с изображаемым предметом в них достигается за счет отдельных деталей, реже, надписей. Для советской стеклянной елочной игрушки это, в принципе, устоявшаяся практика: игрушки, изображающие предметы техники (танки, автомобили и так далее), производились с 1930-х, и вполне приемлемым считалось, что «формы у них довольно условны, что связано с особенностью материала»²⁸. Но здесь обобщение достигает своего пика. Игрушки в виде космонавтов почти всегда выполнены в одной позе – это статично стоящие фигуры с прижатыми к бокам руками (поскольку такие фигуры максимально просты в формовке и выдувке). Космические аппараты – это, как правило, округлые обтекаемые объекты в технике формовки или свободной выдувки (илл. 1, 2), иногда с добавлением монтажных элементов. Сложность заключалась в том, что космическая тематика требовала от игрушки – объекта, в известной степени руко-

27 Шуляк М.И. *Применение полимерных материалов в производстве елочных украшений // Материалы всесоюзной технической конференции...* С. 15.

28 Ершова О.Г., Райкин Л.А. *Указ. соч.* С. 55.

дельного и традиционного, – изображения максимально передовых технологий:

«Вот это уже пахнет космосом. Я бы внес предложение: игрушки, посвященные космосу, утвердить с одобрением. Сделано художественно, декоративно, это находка, и, кроме того, применена технологическая новинка – формовые элементы представляют монтажную игрушку»²⁹.

Илл. 1, 2. Ракета в технике свободной выдувки с припайными элементами и спутник «Луна» в технике формовой выдувки³⁰.

Стилизация и обобщение – результат не только технологических, но и стилистических трендов этого периода. Не случайно в советской открытке, где рисунок допускал любую степень детализации, прослеживается та же тенденция: если в 1958–1961 годах космическая техника и космонавты (пока воображаемые) изображались максимально подробно и «реалистично», то с 1962-го по 1975-й господствует декоративность изображения, условность и обобщение. Технические подробности вернутся в открытку в конце 1970-х, но с елочной игрушкой этого не произойдет – по всей видимости, из-за «космической» стоимости такой детализации.

Соответствие цвета игрушки цвету реального прототипа не считалось строго обязательным:

«Основные требования, предъявляемые к елочным игрушкам, сводятся к тому, чтобы они были яркими, красочными, художественными, придавали елке праздничный вид. [...] Даже самые обыденные вещи – саночки или стульчик – могут иметь не существующие в действительности декоративные расцветки»³¹.

Нередко «космические» игрушки вне зависимости от содержания раскрашены всего в два цвета: основным является металлический блеск амальгамы, отсылающий к массовому представлению о сверкающих летательных аппаратах, а вспо-

29 Выступление главного инженера завода стеклянных елочных игрушек М. Григорьева на обсуждении игрушек Ларисы Зиновьевой, 1961 год. Цит. по: Балашова Е.А. и др. *Указ. соч.* С. 391.

30 Здесь и далее на иллюстрациях представлены объекты из коллекции автора. Фото автора.

31 Ершова О.Г., Райкин Л.А. *Указ. соч.* С. 55.

могательным – красный, которым наносились надписи или окрашивались отдельные фрагменты игрушки³².

Несмотря на условность, елочные украшения, разработанные в начале 1960-х, очень четко соответствовали иконографии конкретных космических аппаратов³³. Однако начиная с 1970-х эта связь размывается: из-за высоких трудозатрат из ассортимента исключались наиболее конкретизированные игрушки свободной выдувки, а формовые и штампованные, наоборот, сохранялись в нем десятилетиями и в результате утратили всякую связь с актуальной повесткой, превратившись в изображения абстрактных и не всегда опознаваемых «ракет вообще».

Такое «обобщение» игрушки привело и к ее деперсонализации. Среди елочных украшений и ранее редко встречались портретные, изображающие конкретных людей. Различение персонажей достигалось в духе средневекового религиозного искусства: при помощи атрибутов, которые должны были быть достаточно узнаваемыми, чтобы персонажа мог идентифицировать главный потребитель елки – ребенок: сестра-повариха из «Сказки о царе Салтане» держит в руках огромный половник, Даренка из «Серебряного копытца» – корзину с драгоценными камнями и так далее. Космонавт на елке стал таким же обобщенным сказочным персонажем, обозначенным скафандром и шлемом (илл. 3). Несмотря на то, что имена и портреты членов космического пантеона были прекрасно известны всей стране, производители игрушки не стремились создать украшения, изображающие Гагарина или Титова; даже на новогодних открытках и елочных флажках, которые позволяют гораздо более широкий спектр изобразительных возможностей, чем роспись по стеклу, портретов конкретных героев нет. Единственные

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

32 Космонавты бывали окрашены и в желтый, зеленый, белый, синий цвета, но основным был цвет амальгамы.

33 Технологические схемы и формы игрушек поступали на фабрики разными путями. Во-первых, они могли приобретаться во Всесоюзном научно-исследовательском институте игрушки (ВНИИИ), или на Комбинате прикладного искусства Московского отделения Художественного фонда РСФСР, или разрабатываться специалистами ВНИИИ для конкретной фабрики. Наиболее распространенные игрушки космической тематики – игрушки космонавтов на прищепках и подвесах, монтажные ракеты, спутники в технике свободной выдувки, наверхие в виде стартующей ракеты и другие – были разработаны ВНИИИ и выпущены в Клину. Так, только художницей Ларисой Зиновьевой с 1961-го по 1969 год были предложены игрушки «Спутник-1», «Спутник-2», «Спутник-3», «Ракета» для большой елки, карнавальные шапочки из поролон «Белка», «Стрелка», «Шлем космонавта», набор «Карнавал» (1963), в который входит космонавт, серия картонажей для Осташевской фабрики игрушек (космическая станция «Союз», «Солнце», «Земной шар в платочке», «Сатурн», «Спутник-1», «Спутник-2» с собакой, «Спутник-3», «Космонавт в ракете», «Космонавт на Луне»). Московский завод елочных украшений выпускал по эскизам Зиновьевой набор шаров «Космос-2». Во-вторых, их разрабатывали и местные авторы (начиная с 1960-х должность художника появилась на ряде фабрик; в результате существенным своеобразием отличаются, например, елочные украшения, произведенные в УССР и КазССР – так, в 1980-х появляется набор «Космос» Актыбинского химического завода, а с конца 1960-х на заводах в Киеве, Севастополе и Одессе выпускалась электрическая гирлянда «Космос», где лампочки были заключены в плафоны из цветного полистирола, изображающие космические объекты: космические аппараты «Спутник-1», «Спутник-3», «Луна-3», «Восток-1», планеты и звезды).

космонавты, которые изображались похожими на свои газетные фотографии – это собаки Лайка, Белка и Стрелка.

*Илл. 3. Стелянная
елочная игрушка на
прищепке «Космонавт»,
1960-е годы.*

Еще одна особенность елочных космонавтов – их неотеничный облик. Они либо похожи на детей по пропорциям (шлем создает иллюзию непропорционально большой головы, скафандр – пухлости тела: неслучайно потребители нередко принимали и принимают елочных космонавтов за изображения детей в зимних комбинезонах с капюшоном), либо прямо их изображают. Так, в 1963 году выходит набор елочных украшений «Карнавал», разработанный Ларисой Зиновьевой. Среди других персонажей советского костюмированного бала (Чародей, Клоун, Снеговик) в его состав входит и ребенок в костюме космонавта. На этом персонаже имеет смысл остановиться отдельно.

Успешное включение ребенка-космонавта в новогоднюю образность (и, соответственно, в ассортимент елочных украшений) связан с устойчивым тропом «детства как обновления». В визуальном ряду Нового года в течение многих десятилетий используется метафорическое противопоставление «старого» и «нового» годов как противопоставления старика (реже – старухи) и молодого человека или ребенка (обычно мальчика, редко – девочки), на одежде которых нанесены номера уходящего и наступающего годов. В европейской новогодней открытке такая метафорика фиксируется как минимум с рубежа

XIX–XX веков. Эти два персонажа (Старый и Новый год) наследуют рождественским образам святого Николая и младенца Иисуса – оба они выступают источниками праздничных чудес и подарков³⁴.

Этот троп обновления подхватывается и советской визуальной культурой, где ребенок, олицетворяющий Новый год («годовик»), изображается в паре с Дедом Морозом. Лозунг «Дети – наше будущее» буквально воспроизводится в новогодней атрибутике:

«В елочной иерархии они занимали самые почетные места, потеснив и вытеснив оттуда взрослых. [...] Елочные дети и младенцы, с одной стороны, воплощали собой миф об уже существующем идеально счастливым советском детстве, а с другой, представляли собой некие показательные образцы, на которые следовало равняться и которым следовало подражать»³⁵.

Начиная с 1960-х в открытке, плакате и других визуальных материалах годовика постепенно начинает заменять ребенок в костюме космонавта, делающий видимой тесную связь между образностью детства, социализма и популярной космической образностью: все они «проекты будущего»³⁶. Это сочетание детства и космоса в советском дискурсе было довольно устойчивым и проявлялось в самых разных сферах – от анимации до массовых шествий³⁷. Наряду со Снегурочкой малыш-космонавт становится постоянным спутником ключевого новогоднего персонажа на карнавалах и елках (илл. 4). Он не только противопоставлен Деду Морозу как юное старому и как прогресс традиции, но и поддерживает его; персонажи «новогодней тройки» выступают как идеальная команда, связывающая традицию с новацией, старшее поколение с младшим, мужское «зимнее» начало с женским «весенним», а «земное/лесное» с «небесным/космическим» (илл. 5): «наиболее успешными [в новогодней сказке] оказываются не те герои, которые верят исключительно в научный прогресс, а те, которые способны совместить “новое” и “старое”»³⁸. Ребенок-космонавт, выходящий из ракеты, встречается и в тантамаресках уличных советских фотографов, и на открытках, и в новогодних плакатах – и точно так же в елочной игрушке (илл. 6).

34 MILLER D. *Christmas: An Anthropological Lens* // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2017. Vol. 7. № 3. P. 415.

35 Сальникова А.А. *Советская елочная игрушка как невербальный текст...*

36 Рютерс М. *Детство, космос и потребление в мире советских изображений 1960-х гг.: к вопросу о воспитании оптимизма в отношении будущего* // *Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия* / Ред. И.В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 451–472.

37 Ермолова А.И. *Космос в детской повседневности (на примере Томска 1960–1970-х годов)* // *Технологос*. 2020. № 2. С. 132.

38 Круглова Н.Г., Саврас Н.В. *Указ. соч.* С. 12.

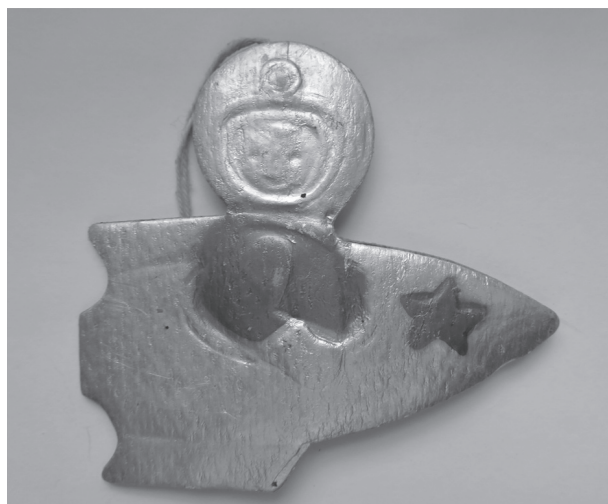

Илл. 4. Космонавты среди других традиционных «масок» карнавала в советском детском саду. В руках у девочек в правом нижнем углу – новогодние подарки с изображением ракеты.

Илл. 5. Художественная открытка «С Новым годом!». Художник Р.А. Достян. Издание Министерства связи СССР, 1966 год.

Илл. 6. Картонажная елочная игрушка «Космонавт в ракете». Художник Лариса Зиновьева, 1969 год.

Итак, оказывается, что елочные украшения космической тематики обладают сложной генеалогией: с одной стороны, они реализовывали запрос власти на игрушки, транслирующие актуальную повестку космических достижений, с другой, органично вписывались в семиотический комплекс советского и даже досоветского (и несветского) Нового года. На их внешний облик оказали влияние не только стоящие перед художниками задачи и ограничивающие их деятельность механизмы художественных советов, но и экономический, и технологический контекст эпохи.

Однако выход с фабричного конвейера – это только начало пути елочного космонавта. Любой объект, попадая в руки пользователей, проходит процесс «одомашнивания» (или, если иначе перевести термин, введенный Роджером Сильверстоуном и Лесли Хэддоном для описания апроприации технологий, «приручения»). Объект включается в определенную экосистему, с ним производятся те или иные действия, проявляющие его аффордансы, он осмысляется и осваивается, а также «конвертируется»: пользователь определяет значимость объекта и сигнализирует другим, что он включен в процесс потребления³⁹. Встает вопрос: какое место занимала такая игрушка в новогоднем ритуале советской семьи?

Как показывает Алексей Голубев, исследователи советской материальности нередко рассматривают потребление исключительно «сверху» – в контексте экономической политики государства. Вместе с тем люди, приобретая те или иные товары, зачастую вкладывали в них собственный смысл, отличный от заранее предполагавшегося⁴⁰. Высказывание на «советском языке» (в том числе при помощи материальных объектов: например украшение елки советской символикой) далеко не всегда обозначало артикулированное отношение к советской идеологии (согласие, сопротивление в духе Джеймса Скотта⁴¹ или перформативный сдвиг⁴²). Иногда оно говорило о вещах, лежащих не просто за пределами идеологического нарратива, а в пространстве, совершенно с ним не пересекающемся.

Было бы заманчиво предположить, что всеобщий интерес к космосу стимулировал и массовый спрос на «космическую» елочную игрушку. Однако решение о покупке зависело не столько от ее политико-идеологической актуальности, сколько от эстетических свойств – вернее, от соответствия ее облика представлениям о «правильной» елке: игрушки должны были быть яркими, блестящими, выразительными, способными «заполнить» елку. Покупатели, не испытывавшие финансовых проблем, выбирали отражающие свет стеклянные игрушки и объемные гирлянды, но даже для них выбор, как правило, сводился к сравнительно небольшому ассортименту. Ограниченное предложение елочных игрушек и их относительно высокая стоимость приво-

39 SILVERSTONE R., HADDON L. *Design and the Domestication of Information and Communication Technologies: Technical Change and Everyday Life* // MANSSELL R., SILVERSTONE R. (Eds.). *Communication by Design: The Politics of Information and Communication Technologies*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 44–74.

40 ГОЛУБЕВ А. Указ. соч. С. 31.

41 SCOTT J. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.

42 ЮРЧАК А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

дили к тому, что в семьях формировались наборы украшений, сохранявшихся в течение многих лет:

«Поскольку это [процесс украшения и разбора елки] повторялось из года в год, то я уже знал, какие там игрушки. Иногда появлялись новые, но мне больше всего нравились [...] прямо совсем старые»⁴³.

Игрушек слишком много не бывало – чем их больше, тем лучше (обычно, впрочем, их количество в семье не превышало нескольких десятков). В некоторых случаях символическая ценность игрушки, связанной с историей семьи, компенсировала ее внешнюю непривлекательность (например игрушка могла переходить в семье из поколения в поколение, пережить кризисные ситуации – войну, переезды, – быть дефицитным импортным товаром и так далее):

«Старые игрушки тоже очень уважаемые. Мы их обязательно вешали, может быть, не на самое видное место. Это другой вопрос, но обязательно они где-то у нас выгуливались на этой елке. [...] Яблоко [ватное] жуткого вида, оно такое коричневое, потрескавшееся. Ну, вешали обязательно, ну, хоть куда-нибудь, но обязательно повесить. То есть это... это же... ну, как мама говорит: “Ну, как же! Это же из моего детства, это же мы обязательно повесим!”»⁴⁴.

Разнообразие, стилевой разнорядностью и перенасыщенность елки игрушками были заложены самим советским канонизированным в многочисленных текстах. Сказанное не означает, что советские граждане тщательно сверялись с методичками и памятками при украшении домашних елок – скорее они, существуя внутри этого поля и не обращая на него особенного внимания, перенимали нормы в уже готовом виде, нерелевантно заимствуя их из публичных елок и их репрезентаций.

Дети 1930–1960-х, особенно в сельской местности, часто встречались с богато украшенной елкой не дома, а на празднике в детском саду или в Доме культуры. Дома елку либо не наряжали вовсе⁴⁵, либо она существенно уступала общественной:

«К елочкам [в детском саду] относились исключительно серьезно. Это были, там, роскошные деревья, новогодние постановки, которые готовятся начиная еще с сентября. Вот, ставились очень солидные спектакли в стихах, то есть нас дрессировали, как обезьян,

43 Интервью автора с Д.Ю.С. (р. 1977, Волгоград), 30 января 2023 года.

44 Интервью автора с И.И.Р. (р. 1955, Москва), 12 февраля 2023 года.

45 «Я просто говорю, что на самом деле [в конце 1960-х годов] много людей жило достаточно бедно. Одно дело, там школы, вот эти все сады и все прочие официальные мероприятия, которых было в [большом] количестве, это одно дело. А для большинства обычных людей это все так... В селе, даже самом близком городу, это [елка дома] совершенно невероятно было». Интервью автора с А.А.Р. (р. 1954, Киевская область), 12 февраля 2023 года.

шилились костюмы. [...] И, собственно, новогодняя атмосфера, атмосфера праздника для меня была в первую очередь именно детсадовская»⁴⁶.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

В результате «общественная» елка, наряженная по инструкции официальных методических материалов, становилась образцом для последующего воспроизведения елки дома. Суммируем эти правила: главные требования к елке – эффективность, разнообразие, яркость, блеск, богатство образов⁴⁷; интересные детям фигурки и изображения техники нужно вешать на уровне глаз и на краю веток⁴⁸, а сказочные вещи сочетать с «реальными, современными», потому что это «необычно, интересно, радостно», развивает фантазию, воображение и чувство красоты⁴⁹.

«Каноническая» организация елки учитывала разные свойства объектов. Во-первых, их идеологическую иерархию: на вершину помещали красную звезду, делающую елку похожей на другой ключевой объект советского мира – кремлевскую башню. Наверху, как правило, располагали игрушки, семантически связанные с небом и полетом – авиатехника, птицы, бабочки. Второй критерий – физические свойства объектов: игрушки не должны были падать и ломать своей тяжестью ветки, елка должна быть безопасна. Третий – изобразительность: то, что можно рассматривать, вешалось на уровне глаз, максимально близко к детям. И, наконец, постулировалось, что общее впечатление от елки едва ли не приоритетнее разглядывания ее отдельных деталей, а сюжеты можно и нужно смешивать, чтобы создать ощущение сказочности. Этот канон оказался необыкновенно устойчивым и воспроизводился в детских учреждениях (а за ними и в семьях) десятилетиями, даже после того, как методички 1930-х были прочно забыты.

Вторым важным проводником елочного канона оказалась торговая реклама. При оформлении новогодних базаров в крупных универсамах устанавливались елки, которые нередко наряжали теми же игрушками, которые были в продаже (или укрупненными декорациями, повторяющими их форму). Кроме того, магазины выпускали рекламные листовки о том, как наряжать елку⁵⁰. В этих памятках правила противопожарной безопасности причудливо сочетаются с воспитанием вкуса, но идеологическая составляющая полностью отсутствует: например, звезда

46 Интервью автора с И.Н.Г. (р. 1965, Стаханов), 11 января 2023 года.

47 «Стеклянные изделия являются одним из основных видов украшения елки. Без стекла елка выглядит бедной и скучной» (Ершова О.Г., Райкин Л.А. *Указ. соч.* С. 55).

48 Сакулина Н. *Оформление новогодней елки // Елка: сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста.* М.: Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1938. С. 49.

49 *Елка в детском саду.* М.: Учпедгиз-Наркомпрос, 1939.

50 *Новогодняя торговля елочными игрушками и украшениями /* Под ред. Н.А. Кирсанова. М.: Государственное издательство торговой литературы, 1954; *Как украсить елку.* М.: Типо-литография Музгиза, 1952.

в начале 1950-х предлагается покупателям уже не в качестве «советского» высказывания, как в 1930-е, – она устанавливается ради «эффективности» елки и легко может быть заменена на наконечник («шпиль», «макушка»), который позднее стал восприниматься как изображение стартующей ракеты.

Наконец, еще один важный источник знаний о порядке украшения елки – ее изображения в печатной продукции – на новогодних открытках, в прессе. В советской печати рано сложился устойчивый визуальный троп о достижениях советского народа как «подарках на елку» (советский Новый год, по мысли Светланы Адоньевой, в целом конструируется как время чудес, исполнения желаний, даров⁵¹). Так, в «Правде» от 31 декабря 1936 года помещен рисунок Константина Ротова, изображающий представителей разных профессий (от поваров и водолазов до шахматиста, многодетной матери и пограничника Карацупы, поймавшего нарушителя), несущих плоды своей деятельности для украшения новогодней елки:

«Елка, которую изобразил художник К. Ротов, сверху донизу заполнена чудесными подарками, доставленными со всех концов нашей родины. Вершину елки прочно заняла наша славная авиация, добившаяся в этом году замечательных побед. Ниже на елке – автомашины, быстроходные корабли, вкусная снедь, выпускаемая тов. Микояном, и “дед-Мороз”, он же О.Ю. Шмидт, освоивший Арктику»⁵².

В этом дискурсе елочные игрушки не просто изображения советских достижений, но подарки граждан на виртуальную «всесоюзную» елку.

Спустя 30 лет после введения елки в обиход троп «подарков на всесоюзную елку от профессионалов» повторяется в другом юмористическом рисунке – на этот раз на странице журнала «Работница»⁵³. Здесь огромная елка проходит насквозь через межэтажные перекрытия пятиэтажной «хрущевки», населенной – в соответствии с позиционированием журнала – женщинами с детьми. На нижнем этаже елку украшают достижения химической промышленности, этажом выше располагается повара, вешающая на елку кондитерские изделия, за ней – краповщица и элементы зданий, далее – ткачиха с тканями и, наконец, женщина-космонавт, увенчивающая елку звездой (или скорее хвостатой кометой); на ее этаже на елке висят планеты, звезды, ракеты и парашютист. Такие же украшенные летательными аппаратами елки изображались и на открытках (илл. 7).

Итак, «космические» игрушки органично вписывались в набор символов советских достижений, которые представители

51 Адоньева С.Б. Указ. соч.

52 Правда. 1936. 31 декабря. № 360(6966). С. 4.

53 Черников В. (худ.) *Мамы всякие важны* // Работница. 1965. № 12. С. 2.

различных профессий «дарят» советскому народу на Новый год. В советских текстах, в том числе визуальных, воспроизводилось устойчивое представление о том, что объекты, связанные с небом (авиация, космос), должны по возможности размещаться на верхних ветках – как потому, что они занимают важное место в иерархии достижений, так и потому, что это их «естественное» место⁵⁴. В то же время, занимая пространственное положение, соответствующее тому, которое занимают объекты – прообразы «космических» игрушек, спутники и космонавты укрепляли свое положение и на вершине иерархии новогодних образов (илл. 8).

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Однако «космические» игрушки редко обращали на себя внимание основной целевой аудитории – детей: «Космонавтов я не помню. [...] Была у нас в свое время кукуруза золотая. Вот она была»⁵⁵. В другом случае за космический объект была принята абстрактная композиция из монтажных элементов⁵⁶. Исключения случались: у одной из моих собеседниц яркая монтажная ракета стала одной из любимых в детстве игрушек:

«На самое видное место, самое почетное [вешались] красивые игрушки. Сакрального в этом ничего не было. [интервьюер: Самые красивые это были как раз фигурки?] Это были фигурки, это был еще один старинный виноград. [...] И была красная ракета, в таком каркасе из длинных стеклянных бусин»⁵⁷.

Илл. 7. Художественная открытка «С Новым годом!». Художник М. Юдин. Издание ИЗОГИЗа, 1960 год.

Илл. 8. Подвесная стеклянная игрушка «Космонавт» на вершине домашней елки (левый верхний угол фотографии). Сестрорецк, 1970–1980-е годы.

54 Елена Душечкина в своей работе о русской елке (Душечкина Е. В. *Указ. соч.*) поместила последнюю в контекст мифологических представлений о Мировом древе; гипотеза, пожалуй, слишком смелая, но метафорически вполне допустимо предположить, что елка выступала в качестве модели советского миропорядка.

55 Интервью с А.А.Р.

56 Интервью с И.И.Р.

57 Интервью с И.Н.Г.

Однако в основном мои собеседники утверждают, что «космических» игрушек на елках их детства не было: возможно, они просто не замечали объекты, размещенные высоко над их головами и не изображающие интересных для ребенка персонажей сказки или животных. О целенаправленной покупке «космических» игрушек (или целенаправленном же отказе от нее) мои собеседники также не вспоминают. У некоторых они ассоциируются с официальными празднованиями в детских садах и школах, но это не делает космонавтов и ракеты олицетворением политического режима:

«Куча детских садов, которые, естественно, украшались советской такой всякой символикой, там, школы и так далее, там это, как говорится, ты должен был [следовать правилам]. А в семье люди не очень-то беспокоились. Была бы такая елка, галочку поставили, игрушки есть – да и ладно»⁵⁸.

Ни расположение объекта на вершине советской идеологической пирамиды, ни общественный интерес к символизируемой им повестке, ни вписанность в традицию совершенно не гарантируют того, что его будут отмечать, замечать, запоминать.

«Космические» игрушки органично вписывались в набор символов советских достижений, которые представители различных профессий «дарят» советскому народу на Новый год.

Хрупкая память

Однако спустя всего пару десятилетий после завершения советского проекта «космическая» елочная игрушка, почти не замеченная поколениями советских детей, оказалась в центре внимания в другом качестве – в виде музеефицированного объекта памяти. Начиная с 2010-х едва ли не в каждом крупном городе России в декабре–январе проводятся выставки советских елочных игрушек из собраний краеведческих музеев и частных коллекционеров.

В репортажах местных медиа об этом елочные игрушки описываются как материализованная история семьи или, гораздо чаще, страны в целом. Именно эта наглядная репрезентация истории елочной игрушкой (а не ее художественная ценность например) предъясняется журналистами как причина, по ко-

торой такие выставки и в целом коллекционирование советских елочных украшений имеют общественное значение:

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

«[Игрушка] отражала аромат эпох – от революционной романтики до хрущевских сельскохозяйственных реформ. Тут можно было встретить красные звездочки, игрушку-буденовку, немецкие трофейные игрушки, остекленевших, но веселых первооткрывателей космоса и даже увесистую игрушку-кукурузу»⁵⁹.

В этом историческом нарративе, который почти одинаково озвучивают в видеосюжетах и публикациях прессы музейные сотрудники, коллекционеры, работники медиа и посетители, как правило, выделяется несколько периодов: «1930-е», «Великая Отечественная война», «1950-е» или «хрущевский период», за которым как отдельный этап истории страны выделяют время «полета человека в космос»:

«Перебирая старые елочные игрушки, доставшиеся по наследству от родителей или бабушек, можно и сейчас обнаружить среди них стеклянные початки кукурузы – яркий символ правления Никиты Хрущева, – покрытых серебристой краской космонавтов или золотистые ракеты – знак достижений в освоении космоса»⁶⁰.

Этот период не связывается ни с именами Хрущева или Брежнева (ни последнего, ни следующих за ним советских лидеров в «елочном» дискурсе просто не существует), ни с понятиями «оттепель» или «застой» – и почти никогда с десятилетием («1960-е»). Тем самым елочная игрушка космической тематики становится *lieu de mémoire* самостоятельной «космической» эпохи. Она часто выделяется тематически и упоминается в почти половине посвященных игрушкам телевизионных сюжетов за 2012–2022 годы. «Космическая» елочная игрушка демонстрируется в качестве «одомашненного» памятника советским космическим достижениям:

«Фактически каждый летательный аппарат, который поднимался в космос, выпускался в форме елочной игрушки»⁶¹.

«Елочные игрушки, по которым можно проследить всю историю развития космонавтики в нашей стране [...]. Каждая победа в освоении Вселенной находила отражение в советской елочной игрушке»⁶².

Иными словами, идеологически нагруженная игрушка, к которой в период ее бытования в семье относились довольно пренебрежительно, после перемещения в новый фрейм музейной

59 *Игрушки детства* // Челябинский рабочий. 1998. 31 декабря.

60 Мационг Е. *А ну-ка, давай-ка гулять выходи!* // Уральский рабочий (Екатеринбург). 2005. 30 декабря.

61 Роголо Н. *В блеске елочных огней* // Тверь-13 (<http://tver-13.ru/t13/11798-v-bleske-elochnyx-ognej.html>).

62 АРТЕМЬЕВА К. *Ракеты стеклянные, а звезды – бумажные* // Московская правда. 2015. 17 декабря (http://mospravda.ru/culture_spectacles/article/raketi_steklyannie_a_zvezdi_bymajnie/).

экспозиции начинает прочитываться как символ одного из главных советских достижений (наряду с хрущевской сельскохозяйственной политикой, юбилеем Пушкина и популярным советским кинематографом, реже – с завоеванием Арктики или авиацией, которые не выдержали соревнования с космосом на звание главного тропа «советского»). «Космическая» игрушка становится напоминанием о первенстве в космосе:

«Вот у меня в руках гирлянда космическая, которая символизирует, что мы первая страна в мире, которая запустила и первый спутник искусственный, и, конечно же, наш первый космонавт Юрий Гагарин»⁶³.

Пафос гордости за достижения страны смягчается тем, что в некоторых текстах тематическая елочная игрушка становится важным элементом нарратива «узнавания себя» в контексте общей материальной культуры: посетители говорят о том, что у них была такая же, они помнят похожую игрушку у себя дома или дома у родственников. Ограниченный набор потребительских товаров (от доступной литературы и массового кино до одежды и елочных игрушек) до определенной степени помогает объединению отдельных посетителей выставки в «советский народ» через массово распространенные вещи и их «автоматическое узнавание»⁶⁴: «Советский ширпотреб никогда не блистал особым разнообразием, а значит, в каждой семье были одинаковые Деда Морозы, Снегурочки и ватные зайцы»⁶⁵. За счет многочисленности представленных объектов почти любой посетитель может обнаружить на выставке «свою» игрушку. Стабильность хрупкой елочной игрушки, выраженная в длительном семейном хранении, устойчивости производимых форм и широкой дистрибуции усиливает к ней интерес, но не столько объединяя людей разных поколений в размытую «советскую» общность, сколько позволяя через общее прошлое потребление⁶⁶ тиражной вещи вернуться к памяти о собственной «такой же» игрушке – и, соответственно, к прошлому своей семьи.

Это общее прошлое в дискурсе новогодних выставок отличается от российского настоящего (а также настоящего и прошлого всего остального мира) «душевностью», «теплотой», «уютном». Космические достижения причисляются к этому объ-

63 Выставка советских елочных игрушек открылась в Солнечногорске (www.youtube.com/watch?v=4Ljew2Lufw).

64 OUSHAKINE S.A. «We're Nostalgic but We're Not Crazy»: Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. № 3. P. 451–482.

65 5 января в Музее истории Москвы открывается выставка советской елочной игрушки 20–60-х годов // Московский комсомолец. 1994. 5 января.

66 CROSS G. *Consumed Nostalgia: Memory in the Age of Fast Capitalism*. New York: Columbia University Press, 2015; см. также: PLATT K. *Russian Empire of Pop: Post-Socialist Nostalgia and Soviet Retro at the «New Wave» Competition* // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72. № 3. P. 449–450.

единяющему теплему прошлому и меняют масштаб: из того, что происходило на расстоянии тысяч километров, нескольких десятилетий назад, космическая история становится одомашненной, воспроизводящейся на семейной елке, в ритуале ее украшения и разглядывания, вписанной в актуализируемые на выставке родственные связи⁶⁷: «Космонавт у меня точно был, и вот прям точно такой же. Один был золотой, а другой точно такого же цвета. [...] Мы с родителями наряжали елку, и это было действие такое, упоительное»⁶⁸.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Стабильность хрупкой елочной игрушки усиливает к ней интерес, но не столько объединяя людей разных поколений в размытую «советскую» общность, сколько позволяя через общее прошлое потребление тиражной вещи вернуться к прошлому своей семьи.

Советская елочная игрушка на выставке становится машиной времени, погружающей посетителя в детство (как сказала одна из участниц выставки в Иркутске: «У меня связь через игрушку с тем временем»⁶⁹). Мэнди Дейн определяет опыт взаимодействия с изображением советской игрушки не просто как ностальгию, а в качестве опыта перемещения: детство описывается как пространство, куда можно вернуться при помощи материальных объектов памяти – а также восстановить в памяти физические пространства, в которых когда-то происходило взаимодействие с этими игрушками⁷⁰. Эта связь подчеркивается особенностями экспозиционной работы с елочными украшениями: приемом реконтекстуализации (помещением их в обрамление из других объектов новогоднего ритуала – елок, еловых веток, конфетти, ваты и старых чемоданов для хранения), а также отсутствием или минимизацией этикетаж и экспликаций. Игрушка преподносится как общепонятный объект, не требующий экспертных комментариев (кроме объяснений родителей маленьким детям – объяснений, воспроизводящих те, которые приняты при украшении семейной елки: «это спутник», «это

67 См. об этом OUSHAKINE S.A. *Second-Hand Nostalgia: On Charms and Spells of the Soviet Trukhliashcheka* // BOELE O., NOORDENBOS B., ROBBE K. (Eds.). *Post-Soviet Nostalgia. Confronting the Empire's Legacies*. New York: Routledge, 2019. P. 39.

68 В Подольске открылась выставка елочных игрушек // Телекомпания «Кварц». 2021. 11 декабря (www.youtube.com/watch?v=oUCqpnndrUho).

69 «Вовочкина елка». Выставка новогодних игрушек в Усадьбе В.П. Сукачева. Иркутский художественный музей (www.youtube.com/watch?v=UQBqnpNn5QI).

70 DUIJN M. *Journeying to the Golden Spaces of Childhood: Nostalgic Longing in the Online Community "The USSR Our Motherland" through the Visual Image of the Soviet Toy* // BOELE O., NOORDENBOS B., ROBBE K. (Eds.). *Op. cit.* P. 21–37.

космонавт» – или развернутых исторических экскурсов для детей постарше).

Это ощущение трансгрессивного погружения в советское детство проблематично и амбивалентно. С одной стороны, оно описывается как ощущение теплоты, домашности и беззаботности праздника – с другой, как беспокоящее ощущение потери⁷¹. Из репортажа в репортаж повторяется мотив утраты советских елочных игрушек – разбитых, выброшенных, не ценившихся по достоинству, – и теперь соприкоснуться со связанной с ними памятью можно только в музее: «[Посетители] смотрят на эти игрушки и говорят: “У нас были такие! Мы их помним!” Но сейчас, к сожалению, кто-то выбросил, у кого-то был ремонт и игрушки пропали»⁷². Однако такие утраты самими советскими людьми не обязательно воспринимались в качестве травматичных: советские вещи в конце 1980-х – начале 1990-х считались устаревшими и уступающими современным западным аналогам. Многие посетители выставок до столкновения с игрушкой в пространстве музея не усматривали особой ценности в этой разновидности материализованного прошлого. Музеефикация, даже временная, придает этому утраченному по небрежению наследию – а значит, и биографии каждого посетителя, вписанной в это наследие и связанной с ним общей материальностью, – дополнительную ценность⁷³: «Все это нужно рассматривать, вспоминать, узнавать»⁷⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРОШЛОЕ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ПРОШЛОГО

В известном смысле «космическая» елочная игрушка могла бы стать «местом памяти» о достижениях советского космоса уже тогда, когда она производилась. В ней зафиксировано одновременно и будущее, и прошлое – а вернее, прошлое будущего, сбывшиеся и несбывшиеся футуристические обещания по освоению космоса – от запуска спутников до покорения Луны (илл. 9). В результате давления экономических обстоятельств и смены эстетической парадигмы относительная реалистичность ранних игрушек, отсылающих к конкретным этапам космической программы с четкими иконографическими различиями между «Спутником-1» и «Спутником-2», уже в 1970-х оконча-

71 BOYER D. *From Algos to Autonomos: Nostalgic Eastern Europe as Postimperial Mania* // TODOROVA M., GILLE Z. (Eds.). *Post-Communist Nostalgia*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 17–19.

72 В Саранске открылась выставка старинных елочных игрушек // 10 канал. Мордовия 24. 2016. 26 декабря (www.youtube.com/watch?v=3pzyDX_s-wM).

73 OUSHAKINE S. A. *Second-Hand Nostalgia...* P. 39.

74 На выставке «В гостях у сказки» во Владивостоке рассказали о праздновании Нового года в первой половине XX века // ДВ-РОСС. 2013. 12 декабря (<http://trud-ost.ru/?p=246703>).

тельно сменилась обобщенными образами космонавтов и техники, а одни и те же формы воспроизводились десятилетиями на разных фабриках СССР. В результате елочные украшения космической тематики утратили связь с актуальной повесткой, превратившись в означающее сказочного космоса вне времени и пространства.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Илл. 9. Картонажная елочная игрушка «Космонавт с красным флагом на Луне». Художник Лариса Зиновьева, 1969 год.

«Космическую» елочную игрушку приобретали, если она хотя бы относительно удовлетворяла эстетическим запросам, была достаточно дешева или когда просто не было другого выбора. Но никакой устойчивой связи домашней елки с космическими достижениями государственного уровня игрушка не создавала. Более того, располагавшаяся – в соответствии с канонem – выше уровня глаз ребенка и не очень визуально привлекательная, она, как правило, игнорировалась своей основной целевой аудиторией – детьми (есть некоторая ирония в том, что среди причин этого сбоя трансляции идеологии через елку – советская педагогика и плановая экономика).

Казалось бы, на выставке елочной игрушки это сообщение, наконец, может быть прочитано. Вырванные из контекста семейного ритуала украшения и помещенные в лишенную тактильного переживания музейную среду космические елочные игрушки едва ли не впервые с момента утверждения образца на художественном совете начинают выполнять предписанную им властью идеологическую функцию: рассказывать историю советских космических побед и объединять на основании общей гордости и ностальгии по этим победам. Организаторы выставок (и журналисты, которые об этих выставках пишут) выполняют работу по переозначиванию елочной

игрушки, группируя украшения по периодам и тематикам и буквально подсказывая посетителям и читателям репортажей, что им следует обратить внимание в первую очередь на то, как игрушка репрезентирует достижения советского проекта. Медийные публикации и экскурсии по выставкам практически навязывают ностальгию по утраченной реальности, в которой была возможна космическая утопия.

Посетители часто прочитывают выставки иначе: для них выложенные на стеклянные витрины игрушки служат прежде всего средством связи с собственным детством, триггерами личной и семейной памяти. Более того, они придают ценность этой памяти. Благодаря выставке люди начинают приписывать особую значимость массово произведенным и визуально «бедным» елочным космонавтам и ракетам, которыми пренебрегали в детстве. Эти объекты связывают посетителей не столько с самими космическими достижениями или их местом в идеологическом дискурсе советского и постсоветского общества, сколько с «теплым» семейным переживанием разрозненных и одомашненных элементов космической утопии в новогоднем ритуале и с горечью его утраты.

Однако вывод о том, что речь идет о противостоянии между институциями, навязывающими идеологическое сообщение, и уклоняющимися от этого сообщения людьми, будет преждевременным. Сотрудники музеев и коллекционеры, предоставляющие свои игрушки для выставок, переживают это прошлое точно так же, как и посетители, и это проявляется в экспозиционных решениях, подталкивающих всех участников к воспроизводству именно частной памяти; перед нами не конфликт, а коллаборация.

Усилия по вписыванию пафоса покорения космоса (как до этого покорения Арктики) в повседневность не просто бесплодны – они разрушают сами себя, и «советскость» елочной игрушки просто не замечается или не считывается ни советскими потребителями, ни постсоветской аудиторией «ностальгических» выставок. «Советское» в советском наследии оказывается удивительно незначительным – материальной опорой частной памяти, а не ее основным содержанием.